

НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Скопинцева Т.Ю.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Бурление новаций в российской культуре парадоксально сочетается с неподвижностью жизни многих русских деревень. Когда-то в одной из экспедиций мне привелось встретиться с жителями села Алексеевка Сорочинского р-на Оренбургской области – Марией Алексеевной, Татьяной Григорьевной и Марией Романовной⁴. Они родились и прожили жизнь в Алексеевке. Их рассказы демонстрируют предельное выживание в сложных для стариков условиях далекого от цивилизации русского села. Любая проблема для слабого, растратившего жизненные силы человека, трудновыполнима. Зима холодна – промерзает колонка, провели газ в село, но дети далеко, кто-то должен прийти и научить включить газ, или включать и выключать его ежедневно (новация пугает), и другие не менее важные для жизнеобеспечения проблемы. Проблемам противостоит отчаянный оптимизм традиционного мировидения, которым они владеют. Они хранят свое прошлое – народную традицию русского села: «Раньше затируху поели – и поём. Песни пели дома и в компании, гуляли с песнями. Раньше сидят во дворах, сидят и поют. Раньше пели – хорошо было, а сейчас что – только в стакан и смотрят! Да. Я правду говорю. Раньше на работу бывало, поехали – с песнями! Приехали – на обед затируху поели, кушать нечего было – и то с песнями! Раньше весело жили. А теперь нет!»⁵ А потом женщины пели и рассказывали нам о своей жизни, о том, что они сохранили в памяти.

Прошло время, многое изменилось. Хочется назвать социокультурные институты сохраняющие устную традицию русского села, продолжающие и обновляющие её. К великому сожалению это трудно сделать, учреждений, сохраняющих устную народную культуру мало и на общероссийском уровне, а в рамках оренбургского региона их никогда не было, нет и сегодня. Традиционные тексты живут в памяти немногих своих хранителей.

Современной народной традиции нужен *мир людей* - свой мир. Её положение в России подобно сражению, где один боец (новация) имеет мощную оснастку и поддержку, а другой, более профессиональный, но старый и немощный – выходит на бой с голыми руками. Живые и способные действовать сельские и городские аутентичные и близкие к аутентичности коллективы слабо институированы, а между тем, тенденция «общечеловеческих» приоритетов, американизированные европейские традиции мощно заявляют о себе. Последние городские и сельские праздники показывают, что традиционные коллективы сегодня одевает поселковый совет. Их вид зачастую выдает не традиционные формы, а вкусы организаторов. В

⁴Яковлева Мария Алексеевна – 1914 года рождения, Иванова Татьяна Григорьевна – 1913 года, Хажина Мария Романовна – 1917 года рождения

⁵Яковлева Мария Алексеевна - Запись сделана вс. Алексеевка Сорочинского р-на Оренбургской области 21.01.1998г.

современном костюме заявляющем себя на самодеятельной сцене традиционные приоритеты народной одежды просматриваются слабо. Наряд исполнителей одинаково незатейлив, народный репертуар в большей части случаев упрощен - его организует выпускница культурно – просветительного училища не всегда имеющая возможность погружения в глубины содержания традиции, выученная для деятельности в сфере досуга, а не для сохранения наследия. В традиционный репертуар с легкой руки самодеятельной культуры все более вкрадывается эстрада. Сам традиционный репертуар аутентичных коллективов не остается неизменным: умирают старые исполнительницы, молодые включают свои, новые тексты и мелодии. Так на одном из последних фольклорных концертов знакомый казачий запев «говорком» женщины показали «распевом», по-женски, а еще недавно (и это на нашей памяти), они повторяли исходную, казачью, мужскую традицию. Незначительные изменения, нарушающие традиционный стиль мы обнаружили и в ранее записанных традиционных песнях. Когда мы указали на это женщинам, они подтвердили изменения: «У старших было не так!» Забывается старая форма культуры, текст, мелодия, пластика... Этому активно способствует самодеятельная и профессиональная культура песни, танца, живого слова. Параллельно с этим процессом уходит в прошлое русская деревня, уехала молодежь, закрыты клубы, перешли в небольшие подсобки сельские библиотеки... Экспедиция в Александровский район Оренбургской области, прошедшая в июле 2013 показала опустевшие деревни, закрытые фермы, разрушенные дома. Многие практики организации сельской жизни в постсоветской России разрушаются. Правда, на брошенных домах стоят спутниковые тарелки, а баню заменила выложенная кафелем (на городской манер) ванная комната. Разительным контрастом выглядит картина сельской жизни в соседней Киргизии – не исчезли кошары, укрепились сельские поселения⁶. Проблемы русского села налицо. Похоже, что русская народная традиция в её красках и формах забыта строителями будущей России... Можно ли без неё строить российское завтра?

Избыточно утверждать, что все базовые элементы в имперской, а впоследствии и в советской культуре, строились на основе русской культурной формы, её ключевых механизмов. На основе этих элементов выстраивалось «великое сходство», универсализация народов России. В советский период это было достоинством и позитивным приобретением⁷. Архитектоника русской культуры и её организация обладала всеми характеристиками молодой культурной формы. Процесс её становления и развития основывался на достаточно свободном функционировании самых ранних культурных механизмов – на принципах сожителства и кумуляции. В такой парадигме все народы, взаимодействующие с русской культурой, проживающие рядом, включались в поле русской культуры и сохраняли свои специфические черты. При межкультурных контактах не происходило размывания их своеобразия.

⁶Это на днях отметили мои подруги – картографы – камеральщики, обновляющие карты Киргизии и сравнивающие их с картами Оренбургской области

⁷В постсоветском культурном пространстве эти наработки приобрели негативный тон.

Культура народов России до нашего времени помнит эти специфические механизмы – на их основе в Оренбургской области до начала XXI века живут чувашские поселения с языческими верованиями, а население современной России на вопрос к культуре какого народа они себя относят, всегда отмечают собственную этническую форму. Недавно на детском фестивале этнических культур мальчик из казахского села начал выступление с высоких слов: «Я сын великого казахского народа...». Этнокультурная идентификация в этом обращении превалировала, собственно российская специфика постсоветского культурного пространства в данном тексте оставалась на втором плане. В этом контексте русская специфика в своих обыденных структурах демонстрирует только утраты.

Можно отметить, что сегодня ценностная система России XXI века не сформирована. Знаки и смыслы советской культуры разрушились, высечены из памяти молодого поколения. Величие, гордость, достоинство, которым должны отличаться смыслы народной культуры современной России («новое великое сходство») еще не рождено. Во взаимодействии с культурами других народов, «великая разность» заявляет о себе «во весь голос». Разрушение супер смыслов советской России, на базе которых десятилетиями строилась культура советского, типа обращает и исследователя и обывателя к традиционным основам, к архаике, к ядерным компонентам русской культуры. В научном дискурсе отмечается устойчивость ядра русской (советской и постсоветской) ценностной системы и высокая роль традиционного начала насыщенного архаическими компонентами, сохраняющими механизмы русской традиции. Основными ценностными элементами, пробуждающимися в духовной жизни россиян в XXI веке стали события, факторы, компоненты советского прошлого, обращающие к чувствам гордости, достоинства, чести, величия – всего того, что разрушалось в постперестроечный период.

На основе социологических исследований А.В. Бабаева⁸ выделяет три периода показывающие отношение к традиционным ядерным ценностям русской культуры в постсоветской России. 1993-1996гг. в социологических исследованиях выявляется устойчивость отношения россиян к традициям советского типа вобравших ценностные основания русской культуры. В 1996-1999 размываются духовные координаты, и этот процесс сопровождается кризисом нравственности. Одновременно с этим происходит прагматизация культуры, ценности сугубо материального характера начинают задавать новый тип представлений россиян не свойственный традиционному русскому и российскому миру. С 2000 года ситуация возвращается к исходному положению, ценности духовного порядка вновь стали играть ведущую роль. К 2004 году в социологических исследованиях, на которые ссылается автор, отмечалось восстановление ценностной системы советского типа и тенденция

⁸Бабаева А.В. Мир новых ценностей или старое на новый лад // Studiaculturae. Вып. 15. Научный альманах кафедр культурологии, эстетики и философии культуры и Центра изучения культуры Санкт-Петербургского государственного университета. Учредитель Санкт-Петербургское философское общество. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2013 г. — 268 с. ISSN 2225-3211
http://aesthetics.philosophy.spbu.ru/upload/userfiles/files/St_Cult15.pdf

обращения к традиционным основаниям культуры. В 2007 году эта тенденция обрела устойчиво необратимый характер. Народные традиции всегда позволяли человеку защитить себя от болезненных трансформаций постсоветского периода. Это дает основания надеяться на сохранение базовой для России культуры русского типа, которая значимо пострадала в постсоветскую эпоху. В чем сохраняются традиционные основания *русскости*?

Смысловое началорусской традиционной культуры выражалось в присутствии традиционных категорий вечности: образов **мировой горы, мирового столба, планет и светил, вековых деревьев**. Универсальный *смысл* вечности противопоставляется смыслу и образам «не вечности». «*Не вечность*» в традиционных культурах это сами люди и их краткосрочная жизнь. Символы бренности и человеческой природы это пыль, зола, солома, сухое растение, и сам человек - все, что умирает после короткой жизни. Знаки бренности отражает повседневность. Путь вечности задан в мифах – космогониях, раскрывающих творение мира. Смыслы вечности сохранялись в Древней и средневековой культуре Руси. В процессе профанации этих традиционных оснований символика вечности соотносится с высокой, профессиональной, государственной, внешней по отношению к традиции формой культуры.

Мифологические основы культуры советского типа сохраняли эти традиции, жили в советской идеологии. Вечная жизнь вождя в символе советского бессмертия – в мавзолее, в деле вождя: «Ленин жив!» Почтение к «большим» планам постсоветского бытия выражается в не критическом отношении к действиям власти. Мифы бренности по традиции оформлялись в обыденной мифологии, в текстах сказок, быличек, анекдотов. В традиционном мировидении знаки и смыслы бренности в абсолютных своих формах соотносятся со знаками и смыслами вечности. Освоение бренного, казуального полюса бытия, это важный, следующий за вечной темой, традиционный путь познания мира. Обыденность народной традиции раскрывается в обычаях, «необычность» и смыслы вечности – в обрядах. В советской культуре культурные механизмы традиционного типа постоянно актуализировались во взаимодействии повседневности и праздничности. Повседневность ориентировалась на прошлое: комфорт западного типа медленно проникал в культуру обывателя, а социокультурные проекты плохо осваивали механизмы доведения новаций до повседневного быта. Так структура советского праздника *опиралась* на знакомую сельскому жителю народную русскую традицию. Первая часть советского праздника – восхваление и вознесение идей и принципов организации советской культуры. История начинается со времени победы культуры нового типа – христианский мир начинается с рождения Христа, советский – с победы революции. Вторая часть праздничного действия – десакрализованное гулянье, разгул, веселье. В народной культуре это карнавальная природа традиции, общение с низшими смыслами культуры, это смеховая культура Древней, средневековой, имперской, советской и постсоветской Руси – России. В новациях заявленных официальной культурой сохраняется средневековая традиция минимизации природного (и традиционного, соотносимого с природой) начала. Высокий статус

приобретают культурные факторы, техника и технические достижения. Низшие ступени занимает женская культура, культура материнства и детства, культура отношения к живому началу природы, животным и растениям, почитаемым когда-то.

Народную форму культуры можно обозначить как промежуточную (медиативную) форму между высокой, профессиональной и национальной и низкой – обыденной, повседневной культурой. Тем не менее, народная культура и сегодня служит основанием для оформления современных образцов и хранит ранние архаические формы культуры. В постсоветском мире наиболее доступными и привлекательными является художественное её выражение. Художественные формы народной культуры распространяются через этнохудожественное творчество, образы и идеи красоты, через народный праздник (парад художественных форм). Проблемы, возникающие при бытовании этнохудожественной культуры и её сохранении, это актуальные исторические проблемы. Они выходят далеко за пределы этнических и собственно художественных проблем, проявляются в самочувствии и самосознании народа, выдают себя в знаках вещного мира. Проблемы народной культуры и её современного этнохудожественного видения обнаруживаются наблюдателем в формах интерпретации народного праздника: городского или сельского.

Традиционная жизнь – это закрепление *себя* и своего мира в исходной вечности. По традиции человек живет в неподвижности и неизменности вечности, но биологически и социально ему предписано движение, традиционная динамика. Он рождается, достигает зрелости, умирает. В этом движении ему приходится переживать внутренние трансформации (строить собственную историю): из ребенка он становится юношей (девушкой), зрелым мужчиной (женщиной), отцом (матерью), стариком. Традиция дает инструмент для таких трансформаций – обрядовые механизмы. Социальные и индивидуальные превращения индивида не должны нарушать внешний (свой, общинный) мир, созданный на основе вечных, неизменных констант. Сохранять постоянство призван традиционный обряд – книга памяти и учебник социальности в традиционном обществе.

Особая роль принадлежит семейно-бытовой культуре. Семейно-бытовой обряд это социальные перемещения индивида в мире традиционной вечности (бренность в вечности). Он всегда составлял особую часть традиции и до наших дней сохранился в быту. Вхождение в новый традиционный локус (участок, фрагмент) и следование в нем обеспечивается обрядом. Такое путешествие это следование вокруг вечностных, космических и планетарных постоянных. Русский народ, как и народ еврейский сохраняет святость образов и смыслов святой русской земли, Матери – Сырой Земли. Постоянные вечности и святости (горы, звезды, вековые деревья), формируют *свой* мир ребенка, подростка, девушки невесты, матери семьи или профессионала – бродяги, путешествующего от села к селу. Традиционность требует подготовки к переходу в юношество, взрослость, старость в длительной пристройке и разработке многочисленных умений и навыков. Каждый человек приходит в

свой мир из вечности, связан с ней рождением. Все традиционные действия сконцентрированы в социальном поле. Социальные планы выдает и традиционная мифология. В отличие от вечности, человеческий мир несет на себе маркировку временности, случайности, изменчивости. Все человеческие умения и навыки связаны с освоением этой временности, т.е. человеческой обыденной культуры. История демонстрирует нам, как обычай подобно вечности, (вечному повторению) *монтирует, выстраивает, искусственно создает и культурно оформляет* подобие неизменности. Художественные планы бытия, подобно вечностным постоянным традиционности, монтируют культурные пространства человека.

Иной мир – необходимая оппозиция своему миру, его раскрывает народный праздник. Традиционный народный праздник можно представить как несколько следующих друг за другом этапов. Первый этап – подготовка обрядового действия, распределение ролей, оформление атрибутов. На этом этапе ритмика и напевы, пластика и одежда участников, как правило, соответствуют обыденной практике. Второй этап – собственно сакральная часть праздника. Она имеет особенную структуру. Особенность сакрализованного действия – его игровой характер. Обряд не предполагает строгости и жесткости в исполнении самого действия, поведении исполнительниц – а в архаизированной русской традиции исполнительницы традиционного обряда – женщины. В конце девяностых годов мне, с группой фольклористов московской консерватории под руководством Н.М. Савельевой⁹, удалось записывать воспроизведенный старожилками традиционный праздник Троицы. Культурный текст праздника был сохранен старожилками Шулаевского конца современного районного центра Курманаевка Оренбургской области. Когда-то эта окраина райцентра была селом. В жизни сельчан сам обряд последний раз исполнялся за год до нашей экспедиции. Праздничное шествие сегодня не обязательно, однако взрослая молодежь села еще помнит старинную Троицу. К пожилым исполнительницам, которые взяли показать нам шествие, подключились молодые женщины (это были дочери и родственницы старожилов, проживающие за пределами села). Как только зазвучали традиционные песни, оказалось, что их хорошо помнят односельчане. В процессе нашего шествия по селу они присоединялись к участникам обряда. В обрядовом действе – «хождении с венком» «звучал» искомый (утраченный сегодня в городском быту) сакральный элемент традиционной космогонии, обращения к вечности, некая собственная версия приобщения к высоким социальным и культурным смыслам которые выражают универсальную сущность народа: «Мы - народ мира», «Мы – народ единой традиции», «Мы – народ единой культуры».

Троицкий обряд в древней космогонии, это небесный брак. В тексте, который мощно звучал на всю округу, раскрывалась тема прощания с красотой, девичеством Матери-Земли перед её высоким назначением – вынашиванием

⁹Н.М.Савельева, д-р искусствоведения, преподаватель Московской государственной консерватории, исследователь русской традиционной культуры Оренбуржья, автор многих работ по традиционной культуре русских сел

урожая. Вся обрядовая сторона такого действия сакральна. Текст соответствует свадебному содержанию – раскрывает обряд прощания невесты с девичьим головным убором, «смывание» девичьей «красоты» (воли), переход невесты в новое состояние.

Современная молодежная традиция старые формы досуга не вспоминает. Взаимодействие культур (встречи, контакты, войны) и новое бытие требует иного (нежели в исходной, традиционной культуре) поведения со специфической для нового мира активностью каждого и участия в культурных переменах разного уровня социальных структур. В связи с этим, встает проблема восприятия не только своего мира, но и окружающих, иных культурных миров и возрастает роль просвещения. Актуализируется роль «хранителя» культурной традиции. В системе просвещения может сохраняться или утрачиваться исходная, базовая, традиционная форма. Хранитель традиции (которая всегда сердце и смысл культуры) - фигура нравственная. Все, с чем он взаимодействует, проходит через его душу и сердце. Светлана Лурье выделила особый тип осмысления жизни, и обозначила его как «личностное сознание». Таких людей немало. Они действуют в разных сферах жизни. Своей жизненной практикой хранитель испытывает культуру на прочность. Как бы не были тяжелы такие испытания, он создает оптимизирующие жизнь модели поведения. В отличие от теоретика (составляющего сегодня программы модификаций культуры) носитель личностного сознания сам проживает путь перемен, и сам является носителем эксперимента, своеобразной, культурной лабораторией новаций.

В нашей обыденности и официальной сфере активно действует еще один актуальный тип личности. В отличие от первого, сегодня он более широко распространен. Это - коммуникатор. Такой тип, не называя его, обозначил в своей работе Ф. Бродель. Подход Ф. Броделя, раскрывает культурные *пласты* с разным динамическим потенциалом. Чем более мобильны социальные группы, тем более значимы они в культуре. Неподвижность, неучастие в движении, взаимодействии, обмене, по теории Ф. Броделя, качество негативное. Структура позитивно оцененной им культуры, в центре предполагает не традиционную вечность, а изменчивость, движение и взаимодействие. В отличие от традиционности, верхние (или центральные, ядерные) слои «броделевской» модели организуют «игры обмена», обеспечивая мобильность. Мобильность становится не только важной, но ведущей, *необходимой* характеристикой. Тот, кто вовлечен в «игры обмена», вступает в мир современной культуры. Человек традиции организует постоянство, тогда как коммуникатор работает на мобильность и радуется динамике и изменениям. Мобильность, которую он создает, он отождествляет с культурой. Остальные, остаются в *длинном времени*, на её периферии. Ф. Бродель рассматривает культурные миры с высоты птичьего полета, он не оперирует личностными параметрами. Идеальный тип в этой модели – это идеальный коммуникатор. Его жизнь – воплощенная функция. Традиционная модель знает такой вечно движущийся и бесконечно изменчивый образ. В мире традиционных мифов это многочисленная *нечисть*, «шишки», бесы. Мир с устойчивыми

вечностными смыслами в центре, это обозначенное в русской сказке житье – поживание.... Мир непрерывных коммуникаций это пространство *между*... В него тянет, как в любое пограничье, но как жить в нем? В нем ты становишься *функцией*, человеком, передающим динамику *прочим*, другим, от кого-то, кому-то... От кого? Как правило, от того, кто пребывает в собственном мире культуры. Это означает - не от коммуникатора, а от того, у кого есть прочное хорошо организованное культурное пространство. В нашем случае такую привлекательную форму имеет западный тип культуры.

Коммуникация не чужда традиции. В традиционности есть способ действия и взаимодействия за пределами культурного пространства. Он связан с выходом в мир перемен как в иной мир, по правилам (ритуалам) собственной традиции, что предполагает хорошо организованное собственное культурное поле. Коммуникация как форма культуры предполагает знание собственной культуры. Это свидетельствует о том, что выходить в пространство взаимодействия культур, не зная собственной культуры – опасно.

Проблема сохранения культуры предполагает сохранение собственной традиции. Нет устойчивой культуры без традиционного ядра в её центре. Можно жить только новацией, но этот путь тернист и опасен для культуры в целом. В коммуникации мы соединяем в целое разные культурные смыслы и должны их знать. В мире тесного взаимодействия культур мы работаем на свою или на иную культурную форму. Во втором случае мы разрабатывает поле другого культурного мира. Иное неизведанное пространство предполагается в традиционной культуре за пределами своего, родного мира. Русская сказка выдала нам модели такого поведения. Сказочный герой, который является экспериментатором по определению, выходит в неизведанное, чисто – поле, заручается поддержкой своих «традиционных констант», (а зачастую и *волшебных* помощников), решает свои задачи и возвращается домой, жить – поживать, да добра наживать!

Сегодня мы действуем без проработки в виртуальности (как бывало в традиции), нашего рискованного, изменяющего мир поведения, без традиционной сказочной *обкатки* новации. Мы без оглядки выходим в неизведанное, *чисто поле*, или *иное царство*. Возможно, это то, чего нельзя избежать, но не учитывать опыт традиции, к которой мы еще приобщены, нельзя. Сохраним ценности собственной традиционной культуры – тогда можно говорить о будущем.